

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

В.И. Бочкарева

«ЮРИСТ-СОЦИОЛОГ» Н.М. КОРКУНОВ

В статье анализируются научные взгляды известного в России ученого («юриста-социолога») Н.М. Коркунова (1853–1904), в частности его концепция социально-психологической природы права и власти. Свой теоретико-методологический подход к изучению права и власти Коркунов называл «субъективным реализмом», поскольку его концепция о социальной обусловленности права и власти учитывает «элементы психики» в правовых и властных отношениях. Объективизм в науке заключается не в том, чтобы исключить субъективный элемент из предмета исследования, если сам этот предмет обладает субъективным характером. Эта позиция Коркунова оказала влияние на формирование теории психологии права другого «юриста-социолога» — Л.И. Петражицкого. Право, по Коркунову, является «вечным», общественным, а не только государственным явлением и не может существовать вне общества, так же как общество во всех формах его проявления не может существовать без права. Для «научного изучения» правовых явлений необходимо выделить общие, устойчивые свойства права безотносительно к условиям места и времени их осуществления. Такими свойствами права являются субъективное правосознание и «разграничение интересов». Само содержание правовых интересов и субъективного правосознания относительно и меняется применительно к конкретным обществам. Поэтому для координации деятельности и установления общественного порядка право должно разграничивать интересы, отвечающие действительным отношениям юридической жизни того или иного общества.

Ключевые слова: «субъективный реализм», «психическая теория общества», общение, разграничение интересов, государственная власть, властные отношения, сознание зависимости (подвластного), государственное принуждение.

Бочкарева Вера Игнатьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (v.bochkareva@gmail.com)

Vera Bochkareva — Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor of the Department of Theory and History of Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (v.bochkareva@gmail.com)

Коркунов Николай Михайлович (1853–1904) — известный в России юрист, профессор Санкт-Петербургского университета, специализировавшийся в области государственного, международного права и общей теории права («науке права»).

Коркунов окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1874 г. с золотой медалью за сочинение по государственному праву. С 1876 г. занимался преподавательской деятельностью — читал лекции по энциклопедии права и государственному праву в Александровском лицее и Санкт-Петербургском университете, а с 1879 г. — по государственному праву иностранных государств и международному праву в Военно-юридической академии. В 1893 г. защитил магистерскую диссертацию «Русское государственное право», а в 1894 г. докторскую диссертацию «Указ и закон» в Санкт-Петербургском университете, где в последующие годы работал профессором и возглавлял кафедру государственного права. Кроме преподавательской деятельности принимал участие в работе комиссии по кодификации финского законодательства, а также был назначен помощником статс-секретаря Государственного Совета.

Коркунов принадлежал к той плеяде «юристов-социологов» (Н.И. Карев), которые в вопросе о том, к какой области явлений принадлежит право, выступали против господствовавшего тогда в юридической литературе определения права как государственного явления, а действующего правопорядка — как надзора за применением правовых норм, установленных государственной властью.

В монографиях, статьях, лекционном курсе по общей теории права Коркунов, довольно подробно и критически останавливаясь на анализе юридических и социологических теорий своего времени, излагал собственные социологические воззрения на природу и специфику общества, на отношение общества и личности, обосновывая это тем, что эта проблематика «имеет ближайшее отношение к праву» (Коркунов 2004: 229). Его концепция о социальной обусловленности права, подчеркивал Н.И. Кареев, «вносила в понимание права социологическую точку зрения», имела «социологическое направление» (Кареев 1996: 122, 124). Коркунов, по словам Б.А. Кистяковского, использовал «социологическую точку зрения на право» (Кистяковский 1998: 225), которая получила у него свою оригинальную по тому времени модификацию. П.И. Новгородцев писал, что Коркунов «принадлежит, по оригинальности и свежести мысли, по многообразию научных интересов, к числу наиболее выдающихся представителей русской позитивистской теории права» (Новгородцев 1995: 385).

Коркунов считал, что не существует безусловного приоритета социальных форм, в том числе и таких социально-значимых образований, как право и государственная власть, над индивидами, субъектами социально значимого взаимодействия — «общения», «взаимного действия», и особо выделял в общественной жизни поведенческий аспект, реализующийся в правоотношениях и властных отношениях, возникающих при общении, и в деятельности.

Свой теоретико-методологический подход к изучению правовых явлений Коркунов назвал «субъективным реализмом», противопоставляя его «объ-

ективному реализму» (которому, по его мнению, следовал «юрист-социолог» С.А. Муромцев), на том основании, что объективный реализм недостаточно учитывает «элементы психики» в процессе «осуществления» права в жизни, в правоотношениях. Эту позицию «субъективного реализма» он аргументировал следующим образом.

Объективизм в науке заключается не в том, чтобы исключить субъективный элемент из предмета исследования, если сам этот предмет обладает субъективным характером («элементами психики»). А особенность социального мира, общества как предмета исследования заключается именно «в психической его природе». Что касается права, то оно тоже есть явление и социальное, и психическое, и при его изучении нельзя игнорировать «элементы психики», в контексте которых реализуются правоотношения. (Эта позиция Коркунова оказала влияние на формирование теории психологии права Л.И. Петражицкого).

Науку о праве нельзя строить по модели естественных наук на том основании, что только они дают «объективное», достоверное знание, поскольку исследуемый ими предмет не обладает «субъективным характером». «Объективизм науки заключается в объективном отношении к исследуемому предмету, а не в том, чтобы исследуемый предмет не имел субъективного характера» (Коркунов 1882б: 166), и субъективные явления могут быть предметом объективного исследования (например, субъективное право в правоведении). Вообще объективность в сфере любой науки относительна, и если исследуемый ею объект не обладает субъективным характером (в естественных науках), то им обладает сам исследователь, не случайно все содержание науки, о чем свидетельствует ее история, опирается на «субъективные определения».

Применительно к праву речь идет о том, что «субъективизм», психика, «факты сознания» присущи и исследователю, и каждой личности, которая выступает в правоотношениях в качестве субъекта права, субъекта правоотношений. «Оригинальность» такого «субъективизма» Коркунова полностью соответствовала общей логике развития социологического знания. Аналогичной позиции (только в рамках иной терминологии) придерживались и представители этико-социологической школы, и М. Вебер и др. Так, Н.К. Михайловский считал, что субъективным, т. е. «предвзятым мнением», которое по своей природе имеет опытный характер, обладает и исследователь социального процесса, и личность как субъект этого процесса. То, что Михайловский считал «предвзятым мнением», М. Вебер назвал «субъективно предполагаемым смыслом», которым обладают как действующие лица, так и социологи, исследующие их действия. В свою очередь Т. Парсонс «приписывание» действующим лицам, как и ученым, познающим их действия, того, что Вебер называл субъективно предполагаемым смыслом, считал «наиболее отличительным свойством социальных наук» (Парсонс 2002: 50).

Право в теории Коркунова является «вечным», общественным (а не только государственным) явлением и не может существовать вне общества, так же как общество не может существовать без права. Поэтому он обращается к обоснованию и объяснению природы и специфики общества, поскольку это важно для понимания права как общественного явления.

Науки о мире неживой природы (механика, физика, химия) исследуют явления «неорганического мира» (свойства химических веществ, законы движения тел и др.) в их «настоящем состоянии», поскольку «все в неорганическом мире определяется настоящим». В этих науках нет «учения о развитии, нет истории или чего-нибудь такого, что можно было бы назвать эмбриологией» (Коркунов 2004: 251). Науки об «органическом мире» исследуют явления не только в настоящем состоянии, но и в «прошедшем» — в их последовательном развитии, поэтому «исследование генезиса является необходимой принадлежностью всякой науки данной области» (Там же: 252). Что касается «надорганического», социального мира (общества, «общественной жизни»), то для него значимо и прошлое, и настоящее, и «будущее». Этот «третий элемент» является «отличительной чертой» общества в целом и всех его явлений, он представлен идеями-представлениями о будущем состоянии социальных явлений. Таким образом, общество окружено «троякого рода средой»: внешней, окружающей его в настоящее время (природными ресурсами, географическими условиями, воздействием других, совместно с ним существующих обществ); внутренней средой, унаследованной от прошлой истории (обычаями, традициями, верованиями, учреждениями и др.) и будущей — идеальной, духовной средой. Эта среда не ограничивается узкими рамками отдельной индивидуальной жизни, а является продуктом совместной сознательной деятельности людей, что объясняет: и дискретность общества; и наличие в нем связей психического характера («способностей психического творчества»), соединяющих его членов воедино; и принадлежность личности одновременно к различным обществам; и возможности развития общества. Духовная сфера («психическая жизнь») имеет опытное происхождение. Она складывается из личного (внутреннего) индивидуального опыта и из коллективного (внешнего), который наследуется из поколения в поколение и определяет «преемственную связь» личности с обществом: «Психическая жизнь каждого отдельного поколения есть лишь посредствующее звено, соединяющее жизнь прошлых поколений с жизнью будущих» (Там же: 261).

В этой духовной сфере идеалы, представления о будущем, связанные с «интеллектуальной» способностью людей, играют роль заботы о будущем развитии данного общества. На формирование представлений о будущем в обществе влияет и знакомство с историей и жизнью (прошлым и настоящим) других народов (например, для будущего устройства собственных политических и правовых учреждений учитывается опыт политического и правового развития других обществ, против чего выступала историческая школа права, — за что Коркунов назвал ее «ложным воззрением»). Там, где общественными условиями подавляется развитие индивидуальной мысли, инициатива, самостоятельность, индивидуальные способности членов общества, «там общество вырождается, задерживается в своем развитии, как во внутренних, так и во внешних, международных отношениях, и если такое состояние общества будет продолжительным, то это может отозваться всегда губительно на обществе» (Там же: 257). И, напротив, там, где представления о будущем связывают все более разнообразные группы и сообщества людей (разнообразные по сфере деятельности,

привычкам, национальности и т. п.), они создают основу для более широкого их единения.

Свою теорию общества Коркунов называет «психической теорией общества» и аргументирует ее следующим образом. Все разнообразие существующих теорий о природе общества он классифицирует по двум направлениям: «механические теории», в которых общество объявляется «искусственным произведением людей», результатом общественного договора (соглашения по обеспечению внешней безопасности и внутреннего порядка), и «органические теории», где общество определяется как «естественный факт» — оно возникает помимо человеческой воли, по факту общения, само собой, необходимо и закономерно. Эти две теории о природе общества приводят к двум взглядам на отношения личности и общества. Механические теории подчиняют общество личности; органические, напротив, подчиняют личность обществу. «Психическая теория общества», по Коркунову, лишена этой односторонности и крайностей. Она признает, что общество влияет на личность, что личность в значительной степени является продуктом общества, но она не считает личность лишь «средством» для осуществления общественных целей, не ставит личность в положение пассивной подчиненности и признает ее самостоятельность, но самостоятельность не абсолютную, а относительную, поскольку степень этой самостоятельности может быть различной и изменчивой. Относительная самостоятельность личности определяется тем, что она одновременно является продуктом влияния нескольких обществ (семьи, общины, церкви, национального сообщества, общественного класса, государства), и, обладая индивидуальной «психической природой», включена в разнообразное общение с особой комбинацией различного общественного влияния: «Поэтому каждая личность представляет в обществе особое самостоятельное начало, никогда не гармонирующее с ним в унисон. Личность, как особое, самостоятельное начало, всегда оказывает в отношении к данному общественному порядку некоторое трение, стремится всегда несколько его изменить и в силу этого служит источником жизни и является прогрессивным фактором общественной жизни» (Там же: 276).

Что касается права, то оно образуется, действует и развивается в обществе и «не может не быть обусловленным общественной средой» (Там же: 229). Право является продуктом совместной жизни людей, в процессе которой у людей, составляющих общество, складываются общепринятые ими идеи, которые обуславливают их права. С этого момента начинается сознательная работа над развитием этих общих идей, содержанием которых может быть идея равенства, свободы, порядка, гармонии, полезности и т. д. Правосознание, правовое чувство обусловлено общей идеей, а формами выражения правосознания, неодинаковыми по содержанию, являются и обычай, и законы, устанавливаемые властью, и субъективные воззрения на право, и судебная практика. Право — явление социально-психологическое, особый фактор общественной жизни, главной социальной функцией которого становится «разграничение интересов», что необходимо для координации деятельности, «общения» и установления общественного порядка — правопорядка. (Право как государственное явление — это лишь частный случай проявления права, и государство не является

единственным основанием всякого права, о чем свидетельствует вся история развития общества). Но, с точки зрения механической теории, правопорядок является продуктом личной сознательной воли, поскольку деятельным фактором общественной жизни признается личность. А с точки зрения органической теории, субъективными правами общество наделяет личность, право «творится» обществом и притом исключительно в интересах целого. Коркунов считает, что обе эти теории в оценке права также страдают «односторонностью». Нельзя видеть в праве порядок, которому бы общество абсолютно подчиняло пассивно относящуюся к нему личность, но из этого не следует, что право является исключительно продуктом личной воли, поскольку существующий правопорядок определяется той общественной средой, теми общественными условиями и обстановкой, в которых живет личность.

В науке о праве, по Коркунову, несмотря на все разнообразие и изменчивость национальных правовых систем, необходимо создать общую теорию права на основании конкретного знания, эмпирического материала — «совокупности правовых явлений», а не толкования «законодательных постановлений». Для этого необходимо использовать «общие приемы научного исследования»: анализ — для выявления постоянных, устойчивых, общих элементов (свойств) в правовых явлениях; «сознательное» конструирование научных понятий по поводу этих элементов (в виде «идеальных построений», которые не являются «копиями действительности», но являются инструментами анализа всех форм права) и классификацию (Там же: 422).

В традиционном правоведении, основной массив которого представлен специализированными, юридическими дисциплинами — «отрывочным научным знанием», связанным с обобщением эмпирического знания по отдельным юридическим отношениям, — «с особой силой чувствуется потребность в обобщающей системе» (Там же: 23). Коркунов отрицательно относится к тому, что роль общей теории права зачастую приписывают философии права и энциклопедии права. Философия права имеет «свой особый метод», она не обращается к эмпирическому материалу, не идет в своих исследованиях путем индукции, а основана на знании, получаемом познающим умом непосредственно, помимо чувственного опыта. А эти вопросы относятся к теории познания, области, не имеющей отношения к «науке права». Что касается энциклопедии права, то она в основном представлена обзором содержания общей части отдельных юридических дисциплин.

Право связано со всеми сферами жизнедеятельности общества, с непосредственными вопросами жизни. И с признанием права совокупностью явлений для научного его изучения требуется другое направление. В «совокупности правовых явлений», по Коркунову, необходимо выделить общее, устойчивое свойство права, безотносительно к условиям места и времени его осуществления, которое реализуется в юридической норме во всех формах проявления. Таким свойством права он считает «разграничение интересов». Люди употребляют слово «право» в обыденной жизни, когда нарушаются их интересы, а «развитие общественной жизни приносит с собой все большее и большее осложнение тех разнообразных, сталкивающихся между собою человеческих интересов, раз-

граничение которых составляет задачу права» (Там же: 23). Термин «интерес» в русском языке (по словарю В.И. Даля) определялся как «польза, выгода, сочувствие кому или чему-либо» (Даль 1999: 107).

Право изменчиво, оно зависит от условий времени и места, и сами интересы (по своему содержанию) меняются, разнообразятся «по различению лиц, времени и места», поэтому разграничение интересов применительно к условиям места, времени, субъективного к нему отношения может признаваться и справедливым (правым), и несправедливым (неправым). Для координации деятельности и установления общественного порядка право должно разграничивать интересы, отвечающие действительным отношениям юридической жизни того или другого конкретного общества. Коркунов предлагает следующее определение права: «Выставленное мною определение права как разграничение интересов предполагает полную относительность права. Оно охватывает собою всякое разграничение интересов, каково бы оно ни было на субъективный взгляд: справедливым или несправедливым, и как бы оно ни было установлено: обычаем, законодательством, судебной практикой или субъективным правосознанием» (Коркунов 2004: 81). И хотя само субъективное правосознание тоже относительно, но общее правосознание, которое выражается в обычае, законодательстве, «вырабатывается из индивидуального, и юридическая теория, игнорирующая индивидуальное правосознание, не может объяснить возникновение и развитие права» (Там же). Что касается развития права, то оно определяется всем ходом общественного развития, когда под влиянием разнообразных, новых условий (экономических, политических, религиозных др.) появляются и новые разносторонние интересы, в том числе и интересы меньшинства, которые требуют своего разграничения и охраны в праве.

Разграничение интересов лежит в основе и специализированных юридических дисциплин. Так, в гражданском праве разграничиваются интересы частных лиц, вступающих в разнообразные отношения, в гражданском процессе — интересы истца и ответчика, в международном праве — интересы участников международного общения, в государственном праве — интересы всех участников государственного общения «от монарха до последнего подданного» и т. д.

Коркунов признает, что выдвинутое им определение не является общепринятым. Он выделяет отсутствие в нем тех наиболее типичных и распространенных признаков права, которые даются в главных направлениях «современной науки права», и подвергает их критике.

Так, его определение не включает ссылки на содержание юридических норм. Но в истории человечества у разных народов содержание юридических норм, которые служат непосредственным потребностям практической жизни конкретных обществ, различалось и различается, и свести все это разнообразие к «общности» содержания в рамках единой и целостной теории, системы, невозможно. Нельзя выделить и принуждение как отличительный признак права, поскольку принуждение не является «общим свойством» правовых явлений: принуждение стоит и за нормами нравственности, и за догматами религии, и за законами логики, и за правилами эстетики. Не всякое право осуществляется через принуждение. В 60-е гг. XX в. известный американский теоретик права

Л. Фуллер также возражал против «широко распространенного в современной юридической литературе» утверждения, что принуждение, применение насилия является «отличительным признаком права» (Фуллер 2007: 133).

По Коркунову, в определениях права по источнику существует две разновидности: либо источником права признается государство, государственная власть, либо общество. Но в первом случае из такого определения исключается обычное и международное право, судебный прецедент («установившаяся судебная практика»), требования общественного мнения и начала права, вырабатываемые правовой наукой и субъективным сознанием, что «суживает понятие права» (Коркунов 2004: 91). Ближе к истине, по Коркунову, стоит признание источником права «общества в его целом», но данное определение страдает неопределенностью, т. к. между личной и общественной сферами в реальной жизни нет резкой границы, и отделить в ней индивидуальное от общественного невозможно. Коркунов отрицает определение права и через «общую волю», выраженную в праве, поскольку «общей воли» не существует; воля определяется индивидуальной организацией человека, является принадлежностью «индивидуального духа». Что касается интересов, то «громадное большинство интересов общи всем, другие — общи, по крайней мере, отдельным группам лиц, и лишь ничтожное количество интересов имеет вполне индивидуальный характер» (Там же: 109). Само понятие интереса свидетельствует о связи личности с другими людьми, с окружающим ее миром, а столкновение интересов требует их разграничения, что определяет степень свободы каждого.

При разработке своей концепции Коркунов обращался не только к западной литературе — философской, социологической, юридической (особенно «германской юридической литературе», поскольку Германия считалась «юридическим питомником» для российских юристов), но и к анализу взглядов российских социологов.

Так, он считает, что М.М. Ковалевский поставил изучение права на «надлежащую научную почву», применив метод историко-сравнительного его изучения. Однако использования этого метода для научного объяснения правовых явлений недостаточно. Наряду с изучением истории права и объяснением смены юридических форм необходимо изучение и объяснение психологической основы правовых явлений: «Это позволит выяснить не только смену правовых явлений, но сами свойства этих правовых явлений независимо от их смены» (Коркунов 1882б:165). Социологические воззрения на общество Н.И. Кареева Коркунов, по его классификации, относил к механическим теориям, но в современном «видоизменении», согласно которому общество в своем развитии все более определяется «сознательной мыслью человека» и «все полнее и безусловнее» становится искусственной средой. Возражения Коркунова сводятся к тому, что эти воззрения страдают односторонностью, поскольку не учитывают влияния на общественное развитие, общественный строй таких объективных факторов, как влияние природы, неурожай, голодовки, случайные открытия, «случайный, непредвиденный результат человеческих действий» и т. д. «Произведением искусства называют только то, что всецело определяется со-

знательную мысль человека. Между тем, даже имея наиболее глубокое и сильное влияние на общественную жизнь, идеи дают, как показывает история, результаты, являющиеся для проповедников этих идей в самой значительной степени непредвиденными» (Коркунов 2004: 236). Кареев на возражения Коркунова ответил статьей «Новые ответы критикам» (Русское богатство. — 1890. № 1, 9), а, оценивая его психическую теорию общества, критиковал ее за отсутствие анализа взглядов П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, но особо выделил тот факт, что Коркунов определял общественное развитие настоящим, прошедшим и будущим (существованием в обществе «представлений о будущем»): «Говоря такие слова, Коркунов, в сущности, повторял, сам того не ведая, то, что составляет одну из основных идей современной ему русской социологической литературы» (Кареев 1996: 124).

Особое внимание в курсе лекций, монографиях и журнальных статьях Коркунов уделял анализу (критическому) взглядов «юриста-социолога» С.А. Муромцева, которого в России называли основоположником разработки социологии права — изучения права как социального явления. Муромцев считал, что для изучения права как социального явления вместо права как совокупности норм необходимо изучать право как совокупность юридических отношений, правопорядок, а это в методологическом плане предполагает доминирование субъективного права над объективным.

Свою теоретико-методологическую позицию «субъективного реализма» в исследовании права Коркунов противопоставил «объективному реализму» Муромцева прежде всего на том основании, что Муромцев объявил юридическую (организованную) защиту одних членов общества от посягательств со стороны других одной из важнейших функций «социального организма» и тем самым исключил «психический элемент» из круга правовых явлений. Юридическая «организованная защита отличается тем, что она совершается заранее определенным порядком и, обыкновенно, особенными, установленными для того органами» (Коркунов 2004: 111). Это означает, что юридические отношения заданы (уже извне) наперед определенным порядком, установленным властью. По Коркунову, не порядок, «наперед определенный властью», определяет поступки, поведение людей, а «осознание ими прав и обязанностей направляет известным образом их деятельность» (Коркунов 1882а: 10). Б.А. Кистяковский, оценивая взгляды Муромцева и Коркунова, считал, что Коркунов, разрабатывая «ту же социологическую точку зрения на право», что и Муромцев (Кистяковский 1998: 225), «дал совершенно неверную оценку научного дела С.А. Муромцева» (Там же: 210).

Коркунов, как и Муромцев, при изучении права как социального явления особо выделяли значимость субъективного права (права в действии, активной стороны правоотношений), в котором реализуется правопритязание субъекта правоотношений на осуществление его осознанного интереса, потребности. А это означает, что «психический элемент» включается в исследование права как социального явления. Муромцев первым пришел к заключению, что при исследовании социальной природы права субъективному праву принадлежит первенство. Об этом же пишет и Коркунов: «Если мы определяем задачу науч-

ного правоведения как выяснение действия права, то изучению субъективных прав мы должны придать первенствующее значение. Именно субъективное право является основой и наиболее определенной формой действия права» (Коркунов 1882б: 167).

Коркунов — теоретик государственного права, государственной власти, — с социологической точки зрения, с позиции «субъективного реализма» анализирует и феномен власти. Существующие в то время теории государственной власти делали акцент на вопросах о том, как власть должна быть целесообразно организована (теория государственного суверенитета, теория разделения властей). А в определении природы власти доминировала теория волевой власти «немецких государствоведов», в которой преобладало исключительно формально юридическое определение государственной власти в ее внешнем проявлении, выражающемся в правовом регулировании — властная воля выражается в законодательных и правительственных актах и их применении.

Коркунов подвергает критике теорию государственного суверенитета: власть каждого государства обусловлена извне — международными отношениями, условиями организации союзных государств, а изнутри она зависит от разнообразных общений, «из которых она сама складывается» (Коркунов 2004: 293). Он отрицает и теорию разделения властей, считая законодательную, исполнительную и судебную власть только «частным случаем разнообразных проявлений совместного властвования», т. к. нет ни одного государства, где бы эти три власти были резко обособлены друг от друга (Там же: 334).

Он критикует и волевою теорию власти: «Что такое власть, это можно вывести только путем выяснения общих свойств этих явлений, и наукой может быть принята только гипотеза, объясняющая все разнообразие явлений властвования. Волевая теория не удовлетворяет этому основному условию». И делает вывод: «Понятие власти ни в чем не совпадает с понятием воли» (Коркунов 1908: 22–23). Государственная власть не обусловлена обязательным присутствием властвующей воли, а воля сама по себе не является властью, власть может быть только объектом воли, воля стремится к власти, получает власть или теряет ее: «Государственная власть — не чья-либо воля, а сила, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства» (Коркунов 2004: 300). А ограничение государственной власти правом необходимо, чтобы деятельность государства находилась «в известном соответствии с этим сознанием подвластных, с теми представлениями, какие они имеют о государстве, об его отношении к праву, к личной и общественной свободе» (Там же: 320). По словам Кистяковского, критикуя волевою теорию власти немецких юристов, Коркунов заменил «юридическую конструкцию власти социально-психологическим понятием ее» и тем самым «докопался до этого чрезвычайно важного социально-психологического явления» (Кистяковский 1998: 272).

В своих исследованиях Коркунов решает вопрос о сущности, причине, природе любой власти независимо от пространственно-временных координат и разнообразных форм ее проявления, а государственную власть считает только частной формой реализации отношений господства и подчинения. Характер

власти не исчерпывается только внешней юридической характеристикой, а государство не является единственной формой общественной власти и единственным источником власти, о чем свидетельствует вся история развития человечества. И другие общественные союзы, институты (семья, племя, община, церковь и др.) властвуют «над своими членами». Вообще всякое общение, основанное на единстве происхождения, совместной жизни или интересов основано на властных отношениях. Поэтому между властью отца и государственной властью нет принципиального различия.

Власть сама по себе чрезвычайно сложное и многообразное явление, в котором переплетаются элементы и человеческой психики, и конкретные историко-культурные условия, и государственная деятельность. Но государственная деятельность не всегда сопровождала социальный процесс, а историко-культурные условия обладают своей спецификой реализации в каждом конкретном обществе, сообществе. Устойчивым, общезначимым элементом, свойственным всем разнообразным явлениям власти, является человеческая психика — «психический элемент», сознание подвластного. Над человеком властвует все, от чего он сознает себя зависимым, даже если эта зависимость не является реальной.

Природа, сущность и причина власти заключена в фактических отношениях господства и подчинения, которые необходимы любому обществу, сообществу для его организации и упорядочения взаимодействия. Основной формой воздействия механизма власти в этих отношениях является сознание (чувство) зависимости, которое приводит к подчинению одних и к признанию властвующими других (другого). «Властвование предполагает сознание не с активной стороны, не со стороны властвующего, а с пассивной стороны, со стороны подвластного» (Коркунов 2004: 299–300).

Сознание зависимости может быть мотивировано авторитетом, традицией, привычкой, «формальным выполнением функций власти», общественным мнением. Даже власть, основанная на военном могуществе (а войны и завоевания — факт исторический), для обеспечения своего существования должна превратиться во власть, «психически» воздействующую на сознание подчиненных. Поэтому главным элементом любой власти является идея ее нравственного оправдания, которая должна объединить общество, группу. Ни одна власть не может гарантировать своего существования, если ее властные веления вызывают возмущение, неприятие, протест, отчуждение в обществе, группе, организации.

Коркунов выделяет и специфические признаки государственной власти, обусловленные сознанием граждан их зависимости от государства.

Государственная власть никогда не бывает безусловной и безграничной, поскольку уже само сознание зависимости у людей от государства не является безусловным. С развитием общественной жизни, международных отношений, с образованием множества других общений, выходящих за пределы данного государства, сознаваемая зависимость от государства становится все более условной и ограниченной. Отличительным признаком государства является признанное принудительное властвование над людьми, задача которого — обеспечивать мирный порядок, «не допускающий частного насилия и само-

управства» (Там же: 293). Частные лица и другие общественные союзы осуществляют принуждение, насколько это допускает государство, а в ответ на злоупотребления семейной, церковной, административной и др. властью у людей должна быть возможность апеллировать к государственной власти. Власть, поддерживаемая исключительно силой и принуждением, не является государством.

Поскольку государство присваивает себе право принуждения, оно должно его осуществлять, охраняя не только «свои» интересы, но и интересы отдельных лиц и других общественных союзов и при этом «дисциплинироваться правом» и следовать «этическим принципам». Резкое разграничение государством условий применения принуждения при охране «своих» и «чужих» интересов приводит к сознанию несправедливости, что проявляется, например, при различии применения принуждения «между обыкновенными и политическими преступлениями» (Там же: 296).

«Идея» государственной власти как нравственное ее оправдание, по Коркунову, может заключаться в величии, славе народа и государства (в государствах, где формой правления является абсолютная монархия); в упрочении государственного и общественного порядка (в правовом государстве); в необходимости регулирования экономической жизни и удовлетворения материальных и духовных нужд граждан (это задачи будущего государства).

«Оригинальная» концепция Коркунова широко обсуждалась и вызвала оживленную полемику в российской социологической и юридической литературе. Не вдаваясь в детали этого обсуждения (что является темой отдельного исследования), следует выделить тот факт, что участие в этом обсуждении принимали известные ученые — В.И. Сергеевич, Н.И. Кареев, П.И. Новгородцев, Е.Н.Трубецкой, Б.А. Кистяковский и др. Концепцию Коркунова и высоко оценивали, и критиковали, и анализировали, выделяя ее сильные и слабые стороны и признавая то влияние, которое она оказала на взгляды других исследователей. Так, Б.А. Кистяковский считал, что работа Л.И. Петражицкого «Теория государственной власти» «целиком заимствована у Н.М. Коркунова и только изложена в своеобразных терминах психологической теории Л.И. Петражицкого. Последнее обстоятельство, однако, не делает ее оригинальной» (Кистяковский 1998: 272).

Следует отметить, что взгляды Коркунова на проблемы власти и властных отношений имеют сходство с взглядами М. Вебера (тоже юриста по образованию). Оба выделяют во властных отношениях поведенческий аспект — подчинение и господство, оба считают подчинение решающим признаком реализации власти, мотивированным сознанием зависимости подвластного. Вебер выделяет идеальные типы власти, а Коркунов — основания этой зависимости: авторитет, обычаи, привычки, «формальное выполнение функций власти» на безличной основе. Оба считали государство организацией с монополией на легитимное использование принуждения, силы. Государство для Коркунова — это «общественный союз, представляющий собой самостоятельное признанное принудительное властвование над свободными людьми» (Коркунов 2004: 295).

В современных исследованиях государственной власти и соотношения применения насилия с социальным порядком утверждение Вебера о монополии государства на легитимное применение принуждения, насилия подвергается уточнению, корректировке. Так, Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст в работе «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества» уточняют, что эта «знаменитая максима Вебера» применима только к обществам «открытого доступа» (динамичным гражданским обществам), появление которых относится к началу XIX в. «Все общества открытого доступа соответствуют веберовскому допущению: их государства обладают монополией на легитимное применение насилия». В таких обществах индивиды имеют право формировать организации, «которые могут участвовать в самых разнообразных видах экономической, политической и общественной деятельности. Более того, право на формирование организаций должно быть определено безлично. Безличность означает одинаковое отношение ко всем. Равенство невозможно без безличности». А государство как «единый актор» консолидирует контроль над насилием за счет безличного соблюдения правил, верховенства закона (Норт, Уоллис, Вайнгаст: 2011: 69, 71).

Литература

- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 2: И-О. М., ТЕРРА-Книжный клуб, 1999.
- Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
- Кистяковский Б.А.* Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1998.
- Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб.: Изд. «Юридический центр Пресс», 2004.
- Коркунов Н.М.* О научном изучении права // Журнал гражданского и уголовного права: Издание Санкт-Петербургского Юридического Общества. С.-Пб: Тип. Правительствующего Сената, 1882, Кн. 4.
- Коркунов Н.М.* О научном изучении права // Журнал гражданского и уголовного права: Издание С.-Петербургского Юридического Общества. С.-Пб.: Тип. Правительствующего Сената, 1882, Кн. 5.
- Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Изд. 6-е. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. Т. 1.
- Новгородцев П.И.* О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М., «Раритет», 1995.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Ин-та Гайдара, 2011.
- Парсонс Т.* О теории и метатеории // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. Ч. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002.
- Фуллер Лон Л.* Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007.